

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.7>

Власкин Александр Петрович, Петров Алексей Владимирович, Цуркан Вероника Валентиновна
ПРОЗРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО: ОТ КНЯЗЯ МЫШКИНА - К ВЛ. СОЛОВЬЕВУ

Ф. М. Достоевский провидел многие кризисы и потрясения, развитие в людях и в обществе разного рода идейных болезней. Провиденциализм писателя проявился и в том, что в князе Мышкине он "напророчил" России личность своего младшего современника Вл. Соловьева. В статье анализируется близость литературного героя и реального человека: их философская и эстетическая позиция, донкихотствующее поведение, облик "не от мира сего", неприкаянное скитальчество. Значительное внимание уделяется восприятию героя и человека - как со стороны персонажей романа и его читателей, так и со стороны близких знакомых Вл. Соловьева.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 249-253. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

DYNAMICS OF THE KABARDIAN CHILDREN'S POETRY DEVELOPMENT

Bozieva Naima Borisovna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
naimabozieva@mail.ru

The article deals with a question that is little studied in the Kabardian literary criticism: children's poetry by the example of the creativity of early, intermediate and modern authors; the dynamics of the formation and development of poetics, the genre features of literature for children, which can be considered as the main determining direction in the context of the literary process. The paper concludes that children's literature is a subsystem of literature characterized by special formal-meaningful and functional features. It also demonstrates the correlation of the current stage in the development of the Kabardian children's poetry with the ideological dominants of previous periods, the rearrangement of thematic emphases of poetry for children.

Key words and phrases: children's literature; Kabardian literature; upbringing; poetry; cognition; folklore; poetics.

УДК 882

Дата поступления рукописи: 26.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.7>

Ф. М. Достоевский провидел многие кризисы и потрясения, развитие в людях и в обществе разного рода идейных болезней. Провиденциализм писателя проявился и в том, что в князе Мышкине он «напророчил» России личность своего младшего современника Вл. Соловьева. В статье анализируется близость литературного героя и реального человека: их философская и эстетическая позиция, донкихотствующее поведение, облик «не от мира сего», неприкаянное скитальчество. Значительное внимание уделяется восприятию героя и человека – как со стороны персонажей романа и его читателей, так и со стороны близких знакомых Вл. Соловьева.

Ключевые слова и фразы: Вл. Соловьев; образ Мышкина; Ф. М. Достоевский; роман «Идиот»; творческая интуиция.

Власкин Александр Петрович, д. филол. н., профессор

Петров Алексей Владимирович, д. филол. н., доцент

Цуркан Вероника Валентиновна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

apvmgn@mail.ru; alexpetrov72@mail.ru; veravts2013@yandex.ru

ПРОЗРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО: ОТ КНЯЗЯ МЫШКИНА – К ВЛ. СОЛОВЬЕВУ

Сама формулировка темы – принципиальна для статьи. Есть в этой формулировке своя нечаянная и в то же время безусловная логика: сначала мы узнаем Достоевского – потом он открывает нам Мышкина – а затем сам узнает Вл. Соловьева.

Согласно этой логике, продиктованной хронологией «узнавания», возможны ожидания, которые во многом оправдываются. Вл. Соловьев – личность яркая, для знавших его людей – уникальная и незабываемая. С Достоевским его связали отношения взаимовлияния (что само по себе необычно, если принять во внимание разницу в возрасте и в репутации). Знакомцы Достоевского, подобные Соловьеву по личностной «харизме» (например, Спешнев, Чокан Валиханов), как известно, все оставили след в его художественном творчестве. Наверное, не мог в этом смысле не «засветиться» у Достоевского-писателя и Вл. Соловьев. И действительно: находили уже множество оснований видеть во Вл. Соловьеве прототипа героев Достоевского. По понятным причинам это были герои последнего романа. Чаще всего упоминался Алеша Карамзов. Например, И. Л. Волгин прямо указывал: «Духовный облик Владимира Соловьева, согласно преданию, отразился в любимом герое Достоевского – Алеше Карамзове» [2, с. 63]. Другие комментаторы «голосовали» за Ивана – как, например, считавший себя последователем Соловьева А. Ф. Лосев [7, с. 508]. Наконец, резонно видели во Вл. Соловьеве совокупность свойств и черт, которые как бы разошлись, «развоплотились» в двух этих образах. Получается, что можно видеть в Алеше и в Иване две художественные ипостаси Вл. Соловьева. Так это интерпретировали в науке неоднократно – например, В. А. Викторovich [1], Г. К. Щенников [10] и другие исследователи романа.

Но за той же хронологией (Достоевский – Мышкин – Вл. Соловьев) можно усматривать и другую логику. Ее выразили Р. А. Гальцева и И. Б. Роднянская в замечании по поводу «пушкинского “рыцаря бедного”», над чьей стезей размышлял Соловьев в трактате о «смысле любви». И, конечно, в позднейшем литературном перевоплощении этого «рыцаря» – в князе Мышкине – предугадана ангелическая духовность Соловьева, его бестелесный эрос» [3, с. 319]. Так сказано в заключительной статье к фундаментальному труду С. М. Лукьянова о Вл. Соловьеве. И очень жаль, что это замечание «повисает в воздухе», остается неразвернутым. Оно ведь в приведенном виде и недостаточно: не только ангелическая духовность и бестелесный эрос Вл. Соловьева предугаданы в Мышкине.

Вообще поразительно, как много общего можно обнаружить во впечатлениях: с одной стороны, от литературного персонажа, с другой – от реального лица. Необычное, «донкихотствующее» поведение; отзывчивость к просителям, иногда корыстолюбивым; облик как бы «не от мира сего»; неприкаянное скитальчество.... Например, Мышкин не имеет своего угла и живет то в гостиницах, то на даче Лебедева и, наконец, сходит с ума в доме своего «крестного брата» Рогожина. Так и Вл. Соловьев в последние свои годы жил по чужим родовым гнездам; он и умирает в поместье Трубецких.

Еще примечательнее другие соответствия. Вл. Соловьев столь же противоречив в восприятии современников, как и Мышкин – в реакции на него других персонажей романа и, наконец, даже в наших глазах. Например, Р. А. Гальцева и И. Б. Роднянская после обзора свидетельств о том, как по-разному относились к философу его современники (разброс мнений от почитания до проклятий), справедливо замечают, что это ведь соответствует «посланической участи, предполагающей тернии, незаслуженно дурную славу, недоумения и даже попытки разоблачения» [Там же]. Но это приложимо «один в один» к восприятию Мышкина – как персонажами романа, так и некоторыми его комментаторами.

Может показаться, что имеются существенные препятствия для подобных соответствий. Первое состоит в том, что Вл. Соловьев был всё-таки признанным философом, автором многочисленных глубокомысленных трудов. Некоторые (Е. Трубецкой, К. Леонтьев) утверждали, что его идеи по своей глубине и перспективности оставались непонятыми и недоступными большинству современников. Между тем Мышкин в романе, казалось бы, вообще малообразован, и его хватает лишь на несколько – правда, блестящих – афоризмов. Однако, во-первых, было бы самонадеянным полагать, что все мы так уж хорошо понимаем Мышкина – то есть понимаем то, что он говорит и что чувствует. А во-вторых, напомним многозначительную реакцию на первые рассказы князя о том, *что* он понял о жизни и людях:

« – Это все философия, – заметила Аделаида, – вы философ и нас приехали поучать.

– Вы, может, и правы, – улыбнулся князь, – я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать... Это может быть; право, может быть» [4, с. 51].

Согласимся, что в устах Мышкина это странное признание. И оно как раз больше к лицу Вл. Соловьеву, который свою философскую стезю связывал именно с грандиозной до неправдоподобия миссией *поучения* людей, партий и даже религиозных конфессий. В своей монографии Т. А. Касаткина возвела отдельные идеи Вл. Соловьева к позиции Мышкина [6, с. 466-473].

Второе возражение против параллелей между образом Мышкина и личностью Вл. Соловьева касается конкретных взглядов – прежде всего на католичество. Как известно, «в 1882-1883 гг. у Вл. Соловьева произошёл крутой перелом в пользу римского католичества. <...> Свободомыслие Вл. Соловьева в сравнении с Достоевским здесь заметно растёт» [7, с. 509]. Такая позиция философа оказывается в полном противоречии с известным выступлением Мышкина против католичества на званом вечере в гостинице Епанчиных. Но взгляды меняются; гораздо важнее склад личности. Нелишне заметить, что всё то же выступление Мышкина в гостинице звучит диссонансом на фоне общего впечатления от его личности, и вообще этот запальчивый демарш князя отчасти мотивирован приближающимся припадком. Мало ли до чего способен был дойти, наверное, Мышкин. А к финалу он попросту лишился рассудка. В свою очередь, и для Вл. Соловьева, как известно, его панегирики католическому Риму оказались временным этапом исканий (на что убедительно указывает А. Ф. Лосев в цитированной выше работе).

В этой связи уместна еще одна цитата из Р. А. Гальцевой, И. Б. Роднянской: «Всякий, кто хотел бы последовать за ним в его жизненном деле, должен приготовиться к тому, что позицию его сочтут странной, иррациональной, чуть ли не лживой. Ведь такая позиция должна выходить за пределы партийных идеологий и частных интересов, руководствоваться которыми общепринято. Мало того, ей нельзя не возвышаться над трезвыми решениями, обеспечивающими кратковременный успех, но ведущими к духовному поражению. И нельзя не руководиться верой в невозможное и чудесное, если оно предстает как прекрасное – сердцу и как должное – совести» [3, с. 336-337]. Вновь это – о Вл. Соловьеве, но будто бы и о Мышкине.

Казалось бы, все эти соответствия очень знакомы, вполне типичны при сопоставлении героя и его прототипа. Но нетипична здесь обратная хронология. Потому что герой явился на свет раньше, чем тот, кто напрашивается на роль «прототипа». Получается нечто вроде «мета-образного» эффекта (греческое «мета» означает «после»).

Теперь заметим, что сам по себе этот эффект для русской классики не уникален. Как известно, Тургенев отличался редкостным свойством творческой интуиции: казалось, что тип «тургеневской девушки» появился вначале в его произведениях, а уж затем – и в самой российской действительности. (Примерно то же говорили о нигилисте Базарове.) Объяснялось это вовсе не тем, что реальные люди принимались подражать литературным героям (во многих случаях они вовсе и не читали Тургенева). Объясним такой эффект наблюдательностью и интуицией художника. Вначале он видит в разных реальных людях отдельные приметы типа, предчувствует саму необходимость и возможность появления в жизни определенного склада характера, закрепляет свою интуицию в ярком образе, а затем уже сама жизнь подтверждает его правоту, потому что появляются предсказанные писателем характеры и типы.

Может показаться, аналогичную творческую интуицию проявил и Достоевский. Однако всё-таки этот случай – «Мышкин и Вл. Соловьев» – носит эксклюзивный характер. Здесь нельзя говорить о «типичности». Как Мышкин – исключительный герой, так и Вл. Соловьев – во всех отношениях исключительный человек. Получается, что и здесь Достоевский проявил не столько обычную творческую интуицию (если только можно называть это «обычным»), сколько еще одну сторону своего пророческого дара. Дар этот справедливо

видели в том, что писатель провидел кризисы и потрясения, возникновение и развитие в людях и в обществе разного рода идейных болезней. Провиденциальным свойствам таланта Достоевского посвящены в науке десятки (если не сотни) статей и монографий, в том числе, например, книги Ю. Ф. Карякина [5], Л. И. Сараскиной [8], последняя – с говорящим названием «Бесы: роман-предупреждение».

Однако подлинный провиденциализм все-таки не может быть заиклен на негативных явлениях. Поэтому хотелось бы думать, что Достоевский в своем Мышкине напроорочил России Вл. Соловьева.

В этой связи возможна вольная ассоциация с отступлением автора от первоначальных пометок («князь Христос»). Неоднократно выражена у Достоевского мысль о том, что Христос «был вековечный от века идеал». Однако, с одной стороны, это идеал, противоположный человеческой натуре, а с другой, Христос и явлен будто бы людям как пример – *каким* можно быть и *к чему* нужно стремиться. Мышкин задуман и реализован в романе как «положительно прекрасный человек». И потому в нем снята «противоположность человеческой натуре», но сохранен параметр возможного примера. И примеру этому как будто отчасти отвечает Вл. Соловьев. Он настолько же не Христос, насколько и Мышкин. Но зато о нем хочется сказать (перефразируя слова Горького о Льве Толстом): приятно видеть, что человек может быть Львом Мышкиным. Наверное, приятно это было, прежде всего, самому Достоевскому, не случайно ведь он так привязался к молодому философу и даже совершил с ним совместную поездку в Оптину пустынь.

О личности Вл. Соловьева возможен очень подробный разговор, снабженный многими параллелями с образом Мышкина (достаточно было бы привлечь целые страницы из книги С. М. Лукьянова, где приводятся воспоминания о философе самых разных его современников). Но особо примечательным является один смысловой момент этих мета-образных ассоциаций. Мы имеем в виду знаменитую формулу триединства истины, добра и красоты Вл. Соловьева как своеобразный философский отклик на образ Мышкина.

Во «Второй речи в память Достоевского» у Вл. Соловьева эта формула представлена в очень ясном и убедительном виде: «Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Для Достоевского же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи» [9, с. 305]. Кстати будет заметить, что в своих трех «речах» философ ни разу не упомянул ни романа «Идиот», ни его центрального героя. Однако его рассуждения закономерным образом выходят на знаменитый афоризм писателя. Он продолжает: «Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение уже во всем есть конец, и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [Там же].

Однако всё это, во-первых, ясность философских и неизбежно отвлеченных выкладок, а во-вторых, остаётся в статусе благих пожеланий. У Достоевского всё сложнее, и именно потому, что в образе Мышкина и в его сюжетном опыте авторская идея не просто *воплощается* как некий открытый писателем рецепт, но проходит через испытания. И результат этих испытаний далеко не предугадан.

Образ Мышкина сложен в аксиологическом измерении сразу по нескольким параметрам. Во-первых, по авторскому замыслу: этот образ – некая ценность, то есть он дорог был Достоевскому и должен был стать обаятелен для читателя. И это удалось. Во-вторых, Мышкин воплощает в себе ценность и для окружающих его персонажей. В художественном мире романа он – «положительно прекрасный человек», и это уже не только эстетика, но и этика, подкрепленная психологией. То есть *образ Мышкина*, раскрывающий *натуру Мышкина*, предстает в этико-эстетическом измерении. В-третьих, аксиологичны собственные установки Мышкина: он имеет свои ценности, идеалы и нормы жизнедеятельности. Среди его ценностей, например, – общение, понимание себя и другого, чужая личность, благополучие и многое другое. Его поступки не случайны; действия – всегда аксиологически целесообразны. И сам он, по сравнению с другими персонажами, – наиболее аксиологически успешен.

Ценности высшего порядка – идеалы. Они постижимы, но в то же время, как правило, недостижимы. Жить в свете идеалов доступно не каждому. Среди идеалов Мышкина различимы породнение с людьми (это связано с ценностью общения); истина (восходит к ценности понимания); счастье. И наконец, наиболее известная аксиологическая составляющая идеала в романе – *красота*.

Мышкин в романе говорит: «Красота – загадка», – и с ним трудно не согласиться. Потому что в ряду других идеалов (в том числе из состава соловьевского триединства) красота теснее всего связана с чувственным восприятием и труднее всего подводится под этические и метафизические параметры. Добро и истина в этом смысле более уместны в нашем интеллектуальном опыте. В них можно ошибаться, но они подстегивают нашу рефлексию. А инстинктивная реакция на красоту – это, скорее, удивление и восторг.

Мышкин в романе покорён и озадачен двумя красавицами – Настасьей Барашковой и Аглаей Епанчиной. Но при этом нелишним будет вопрос: кто из них для него загадочнее? Инстинктивным ответом для большинства читателей будет – Настасья Филипповна. Между тем, это не обязательно так. Примечательно, что именно по поводу Аглаи Мышкин признается:

«– Вы чрезвычайная красавица... Вы так хороши, что на вас боишься смотреть.

– И только? А свойства? <...>

– Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота – загадка» [4, с. 66].

Интересно также, что когда его продолжают расспрашивать о внешности Аглаи, он вынужден пояснить свое впечатление так: «... почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!...» [Там же]. Известна логика сравнительных пояснений: непонятное раскрывают через понятное.

Не то чтобы красоту Барашковой Мышкин сразу разгадал. Однако на нее ведь смотреть он не боится. Более того, он уже по портрету неоднократно и всем, кто спрашивает (даже Гане Иволгину), поясняет свое впечатление

и чуть ли не анализирует свойства ее красоты. Вот первое впечатление: «Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» [Там же, с. 31-32]. А вот впечатление «про себя»: «...гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты». И в конце резюмируется: «...странная красота!» [Там же, с. 68]. То есть опять-таки это не столько «загадка», сколько задача для Мышкина: есть ли в этой женщине способность к добру и прощению? И тогда остается надежда на ее спасение (именно эту задачу князь пытается решить на протяжении романа).

Задача оказалась непосильной, и не в Мышкине тут дело. По Достоевскому, всё зависит от сочетания красоты с разными началами человеческой природы. В этих сочетаниях рождаются инстинкты, которые движут поступками. А последние могут носить характер «спасительный» или «губительный» для самого персонажа, для окружающих и даже для целого мира. Красота Барашковой покорила его выражением в ней гордости и страдания (взрывоопасное сочетание, потому что прекрасный человек должен быть рожден для счастья – как своего, так и окружающих). Страдание может обернуться и христианской ценностью, но не в случае с Настасьей Филипповной. Ее гордость и страдание порождены драматичной судьбой и наложили отпечаток как на её характер, так и на внешность. (То есть эстетика выступает в согласии с этикой.) Мышкин страстно желает героине пропитаться другим началом – добром. Оно может примирить гордость со страданием, поможет простить виновников её участи и будет способствовать перемене этой участи. Таким образом, за этим пожеланием Мышкина («Эх, кабы добра!») угадывается ещё одно начало, такое же масштабное, как гордость или страдание, но более важное в глазах Достоевского. Это начало – смирение. Оно способно погасить гордость, компенсировать страдание. (Примеры у Достоевского: маляр Миколка, Раскольников, Дмитрий Карамазов.)

Итак, для Достоевского в «Идиоте» важна красота не гордая, а смиренная. Имеется в виду сочетание двух идеалов, когда они окрашивают друг друга своими признаками. Один выражается через другой: красота предстаёт смиренной, а смирение оборачивается душевной красотой. Но применительно к сюжету романа это остается благими пожеланиями.

Однако в романе, почти в согласии с позднейшей формулой Вл. Соловьева, красоте Настасьи князь Мышкин хотел бы привить начало добра. Этого не случилось. С истиной породниться – также безнадежно. Вот почему Мышкин неоднократно делится своим *открытием* (то с Рогожиным, то с Аглаей): «Она сумасшедшая» (что является крайним полюсом отступления от истины).

Породнить красоту Аглаи с добром Мышкин также пытается, но безуспешно. Эта красавица слишком эгоистична, чтобы научиться жалеть Настасью Филипповну и разделять добрые чувства Мышкина – как к ней, так и к любому другому. А на способность Аглаи воспринять и принять истину Мышкин надеется до конца. Примечательна его страстная убежденность: «Она поймет, она поймет! <...> О, если б Аглая знала, знала бы все... то есть непременно все. Потому что тут надо знать все, это первое дело! <...> Тут есть что-то такое, чего я не могу вам объяснить, Евгений Павлович, и слов не имею, но... Аглая Ивановна поймет! О, я всегда верил, что она поймет» [Там же, с. 484].

Сам по себе образ Мышкина несет в себе духовный идеал, потому что в любом его поступке выражается смирение. Но это именно идеал, который в реальной действительности невозможным оказывается осуществить, то есть сохранить и закрепить. Мышкин принимает то, чего не в силах изменить, и не надеется на счастье ни для себя, ни для Настасьи, ни для Аглаи. По его аксиологическим приоритетам остаётся одно: попытаться спасти жизнь одной женщине и надеяться на то, что другая сумеет это понять и не остаться несчастной. А в результате – Настасья погибла, Аглая несчастна, а сам Мышкин... «уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал... людей» [Там же, с. 507]. Окончательный вердикт опытного врача: «Идиот!». С этим угасла и духовная красота героя под пеплом чужих страстей.

В следующем романе Достоевского, «Бесы», Тихон предупреждает Ставрогина: «Некрасивость убьёт». Сказано совсем по другому поводу, но на эту же самую тему – о взаимозависимости истины, добра и красоты.

Список источников

1. **Викторович В. А.** Достоевский и Вл. Соловьев // Достоевский и мировая культура: альманах / Общество Достоевского; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге; сост. К. Степанян, Вл. Этов; ред. К. Степанян. СПб., 1993. № 1. Ч. 2. С. 5-31.
2. **Волгин И. Л.** Последний год Достоевского: исторические записки. М.: АСТ, 2010. 736 с.
3. **Гальцева Р. А., Роднянская И. Б.** Просветитель: личная участь и жизненное дело Владимира Соловьева // Лукьянов С. М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы: в 3-х кн. М.: Книга, 1990. Кн. 3. С. 319-340.
4. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. 509 с.
5. **Карякин Ю. Ф.** Достоевский и канун XXI века. М.: Советский писатель, 1989. 656 с.
6. **Касаткина Т. А.** Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
7. **Лосев А. Ф.** Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
8. **Сараскина Л. И.** «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
9. **Соловьев В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 824 с.
10. **Щенников Г. К.** Целостность Достоевского. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 440 с.

DOSTOEVSKY'S INSIGHTS: FROM PRINCE MYSHKIN TO VL. SOLOVYOV

Vlaskin Aleksandr Petrovich, Doctor in Philology, Professor
Petrov Aleksei Vladimirovich, Doctor in Philology, Associate Professor
Tsurkan Veronika Valentinovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
apvmgn@mail.ru; alexpetrov72@mail.ru; veravts2013@yandex.ru

F. M. Dostoevsky foresaw many crises and shocks, development of various ideological diseases in people and the society. The writer's providentialism also manifested itself in the fact that in Prince Myshkin he "prophesied" the personality of his younger contemporary VI. Solovyov to Russia. The article analyzes affinity of the literary character and the real person: their philosophical and aesthetic position, Quixote behavior, the image of "not of this world", restless wandering. Considerable attention is paid to perception of the protagonist and the person – both by the characters of the novel and its readers and by VI. Solovyov's close acquaintances.

Key words and phrases: VI. Solovyov; Myshkin's image; F. M. Dostoevsky; novel "Idiot"; creative intuition.

УДК 8; 82.091

Дата поступления рукописи: 22.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.8>

В статье проводится анализ образа Чарльза Диккенса в биографии Джона Форстера «Жизнь Чарльза Диккенса». Основной целью является выявление способов создания положительного имиджа прозаика, анализируются особенности жизнеописания и автобиографические аспекты, присутствующие в книге. Форстер акцентирует внимание на достоинствах Диккенса, сглаживая или игнорируя его недостатки, благодаря чему биографу удается создать ставший традиционным образ «неподражаемого» писателя, который во многом оказал влияние на каждую написанную в дальнейшем биографию Диккенса. Отличительная особенность работы в том, что в ней приоритетно рассмотрено создание образа, а не жанровых особенностей биографии.

Ключевые слова и фразы: Чарльз Диккенс; Джон Форстер; биография; образ; викторианская биография; автобиография; прижизненная биография.

Гуманова Татьяна Сергеевна

Московский педагогический государственный университет
Luarelia@yandex.ru

ОБРАЗ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА В БИОГРАФИИ ДЖОНА ФОРСТЕРА «ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА»

Джон Форстер – известный английский биограф и один из самых близких друзей Чарльза Диккенса. Будучи одного возраста, имея схожие интересы, они дружили большую часть сознательной жизни. Форстер был с Диккенсом с самого начала его писательской карьеры и стал свидетелем его становления как литератора и общественного деятеля, между ними сформировались очень близкие отношения, и именно поэтому Форстер оказался посвященным в его самые сокровенные мысли, тайны и планы. Вскоре после смерти Диккенса Джон Форстер написал его первую, хотя и далеко не последнюю биографию, которая имела огромное значение и передала образ Чарльза Диккенса таким, каковым его видели современники и каковым он хотел казаться. Также необходимо отметить, что это жизнеописание является довольно полным и подробным собранием, хотя и субъективно поданных, сведений о жизни писателя, благодаря чему каждый последующий исследователь, создававший биографию Диккенса, ссылался на нее.

Оговоримся, что Д. Форстер родился в 1812 году в семье торговца крупным рогатым скотом. Семья со средним, но уверенным достатком могла обеспечить ребенку стабильную жизнь и возможность учиться. Он получил хорошее образование и собирался стать юристом, но поскольку всегда имел склонность к литературе и писательству, связал свою деятельность с журналистикой, литературной критикой, редакторством и писательским трудом. Форстер работал в таких журналах, как "Foreign Quarterly Review" («Зарубежный ежеквартальный обзор»), "The True Sun" («Истинное солнце»), "The Morning Chronicle" («Утренняя хроника») и "The Examiner" («Наблюдатель»), также он написал серии эссе "Lives of the Statesmen of the Commonwealth" («Жизнь государственных деятелей Содружества») (1836-1839), "Arrest of Five Members" («Арест пяти участников») (1860), "Debates on the Grand Remonstrance" («Дебаты о великом протесте») (1860) и, создав несколько известных жизнеописаний таких значимых личностей, как Оливер Голдсмит, Джон Элиот и Уолтер Ладор, а также частично законченную работу о Джонатане Свифте, оказал значительное влияние на развитие викторианской биографии. «Жизнь Чарльза Диккенса» фактически подарила ему бессмертие в литературной истории [6].